

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

О НОВОМЪ РОМАНѢ МЕРЕЖКОВСКАГО. *)

I.

Послѣдніе сто лѣтъ были временемъ небывалаго расцвѣта романа и зарожденія романа историческаго. Историческій романъ сталъ сразу любимымъ чтеніемъ публики, цѣлый рядъ талантливыхъ писателей отдалъ ему свои силы. Но все-же не исключена возможность сомнѣнія въ самой оправданности этого рода литературы. Во всякомъ случаѣ историческій романъ — совершенно особый видъ художественнаго творчества. Та потребность по-своему видѣть, изображать и пересоздавать жизнь, которая создала реалистическую беллетристику, не находитъ себѣ удовлетворенія въ историческомъ романѣ. Художникамъ жаднымъ къ живому не боязно-ли уходить отъ жизни въ прошлое? Но и

творческая фантазія не пригнетается-ли грузомъ архивныхъ документовъ, не связывается-ли путами фактовъ? Историческій романистъ работаетъ по матеріаламъ, по документамъ, какъ историкъ. Увы, самый цѣнный первоисточникъ историка для художника является только второстепеннымъ, въ которомъ блѣдно и слабо отпечатлѣлась прошлая жизнь! Такимъ образомъ творчество историческаго романиста есть отчасти творчество вторичное, отраженное, какъ трудъ историка или критика, въ который тоже вѣдь часто входитъ художественный элементъ. Не эта-ли вторичность, нечистота, смѣшанность позволяютъ подвизаться именно въ области историческаго романа такому количеству болѣе или менѣе добросовѣстныхъ ремесленниковъ? Задача историческаго романа — воскресить по отрывочнымъ знакамъ прошлое, дать цѣльную картину,

*) Д. С. Мережковскій; «14 Декабря». Книгоиздательство «Русская Земля». Цѣна 15 фр.

чтобы сраслись мертвыя кости и облеклись живою плотью. Эта задача также и историка-художника, но съ тѣхъ поръ какъ исторія становится все болѣе «научной» и даже по преимуществу экономической, живая вода воскрешенія прошлаго остается въ нераздѣльномъ обладаніи романистовъ. «Мертвые правятся мнѣ больше, чѣмъ живые. Я до безумія люблю исторію. Эта любовь — нѣчто новое въ человѣчествѣ. Историческое чувство существуетъ со вчерашняго дня, и, можетъ быть, это лучшее, что привнесъ XIX вѣкъ». (Слова Флобера). Оно, это «историческое чувство», заставляющее насъ жадно вглядываться въ прошлое и благоговѣнно хранить малѣйшій остатокъ его — есть движущее чувство и оправданіе историческаго романа. Если исторію можно назвать коллективной памятью человѣчества — то историческій романъ это «память сердца», о которой говорилъ поэтъ:

«О, память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти унылой!»

II.

Мережковскій цитируетъ въ своей книгѣ о «Толстомъ и Достоевскомъ» слова Тургенева, что «Война и Миръ» не даетъ характерныхъ чертъ эпохи, «исторической окраски». Мережковскій раздѣляетъ мнѣніе Тургенева: «Мы знаемъ, что у каждаго вѣка есть особенный воздухъ, единственный, нигдѣ

и никогда не повторяемый запахъ, какъ у каждаго цвѣтка и каждаго человѣка... Эта окраска, особенный отблескъ историческаго часа отражается не только въ великомъ, но и въ маломъ, какъ отблескъ утра или вечера отражается не только на вершинахъ, но и на каждой былинкѣ освѣщеннаго зарею горнаго хребта: не только въ изреченіяхъ мудрецовъ, въ подвигахъ героевъ, но и въ модномъ покроѣ платья, въ устройствѣ женскаго головнаго убора, въ каждой мелочи домашней утвари». «При чтеніи «Войны и Мира» трудно отдѣлаться отъ... впечатлѣнія, будто бы всѣ событія происходятъ въ наши дни».

Въ этихъ словахъ есть, по нашему мнѣнію, и великая похвала «Войнѣ и Миру», и вмѣстѣ съ тѣмъ ключъ къ одному изъ почти неизбежныхъ недостатковъ историческаго романа. Да, каждая эпоха имѣетъ свой запахъ. Но этотъ запахъ еле замѣтенъ для современниковъ, какъ незамѣтно движеніе поѣзда для сидящихъ въ вагонѣ и не смотрящихъ въ окна. Запахъ времени похожъ на запахъ живыхъ цвѣтовъ въ саду. Но, когда цвѣты сорваны мы, чтобы передать запахъ ихъ, должны сдѣлать крѣпкій настой — духи. Историческій романъ и даетъ гадкой настой, духи, непохожіе на запахъ живыхъ цвѣтовъ. Люди живутъ и не думаютъ о своей эпохѣ, ощущаютъ ее только подсознательно. А романисты, описывая

людей какой-либо эпохи, невольно изображаетъ ихъ такъ, какъ будто они всегда *помнятъ* о своемъ времени и всѣхъ его особенностяхъ. Есть такимъ образомъ въ историческомъ романѣ роковое извращеніе перспективъ, сгущеніе красокъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ художникамъ удавалось избѣгнуть этого. Къ такимъ исключеніямъ принадлежатъ «Война и Миръ», «Пармская Чертоза» Стендаля, Флоберовская «Education Sentimentale». Все это, разумѣется, не чисто историческіе романы, историческое въ нихъ на второмъ и на третьемъ планѣ. «Запахъ эпохи» въ «Войнѣ и Мирѣ» есть, но не сгущенный, незамѣтно проникающій все собою, какимъ онъ и былъ для современниковъ Отечественной Войны. Можетъ быть это удалось Толстому потому, что онъ, какъ и Флоберъ и Стендаль, писалъ не только по матеріаламъ, а по воспоминаніямъ, личнымъ и семейнымъ. Точно такъ же неизвращенную перспективу находимъ мы въ произведеніяхъ не историческихъ, но отъ времени приобритшихъ для насъ нѣкоторую историческую окраску: такъ въ романахъ Бальзана ощущаемъ мы этотъ проникающій все запахъ ушедшей эпохи, не какъ духи, а какъ неулловимый ароматъ забытаго между страницъ книги цвѣтка.

III.

Мы видѣли какіе неизбежныя, внутренне присущіе не-

достатки есть у историческаго романа. Этотъ особый видъ художественной прозы искупается вложенными въ него субъективными элементами, болѣе или менѣе цѣнною и богатою индивидуальностью писателей. Такъ создатель историческаго романа Вальтеръ Скоттъ видѣлъ въ прошломъ главнымъ образомъ вышнюю красочность — костюмы, охоты, пиры. Онъ и въ жизни былъ страстный антикварій. Его романы казались-бы совсѣмъ бездушными, если-бы онъ не вносилъ въ нихъ и элемента поэзіи. Не даромъ онъ былъ авторомъ и собирателемъ шотландскихъ балладъ, его романы — прекрасныя баллады въ лицахъ и костюмахъ. Страстность и искренность этихъ увлеченій — романтическая лирика «балладника» и знанія антиквара-декоратора искупаютъ слабость и фальшь беллетриста.

Мережковскій упрекаетъ Толстого не только въ неисторичности, но и съ гораздо большимъ основаніемъ въ нелюбви къ культурѣ, къ «тому культурно-историческому воздуху, который образуется не только истиннымъ и вѣчнымъ, но и предразсудочнымъ, условнымъ, искусственнымъ, что свойственно каждому времени». И если дѣйствительно, «душа современнаго человѣка не только въ отвлеченныхъ мысляхъ, но и въ самыхъ жизненныхъ чувствованіяхъ состоитъ изъ безчисленныхъ вліяній, наслоеній, *навожденій* прошлыхъ

вѣковъ и культуръ» — то никто не чувствовалъ и не далъ намъ почувствовать эти наслоенія и *наводненія* съ такой силой какъ Мережковскій. Отъ Вальтеръ Скотта къ Мережковскому историческій романъ прошелъ длинный путь углубленія и утонченія. Для нашего проникнутаго своеобразнымъ культурнымъ синкретизмомъ времени — Мережковскій крупное и характерное явленіе. Въ любви къ культурѣ онъ доходитъ до чрезмѣрности, до неправдоподобія. У него все перенасыщено культурой. И не одно это дѣлаетъ его обновителемъ историческаго романа въ европейской литературѣ. Онъ, одинъ изъ лучшихъ стилистовъ нашего времени, внесъ и въ свои романы ту *écriture artiste*, о которой говорили Гонкуры. Но, главное, онъ углубилъ и обогатилъ историческій романъ религіозно-философскими концепціями. Какъ романы Вальтеръ Скотта — романтическія баллады, а «Князь Серебряный» — развернутое въ романъ эффектное лирическое стихотвореніе вродѣ «Василія Шибанова», такъ трилогія Мережковскаго — одна большая религіозно-философская поэма, а «14 Декабря» и «Александръ I», какъ изъ зерна выросли изъ его блестящихъ философски-публицистическихъ статей.

Можно построить такую схему, понятно, очень условную и приблизительную: уходя въ прошлое, одни писатели хотѣтъ

уйти отъ себя, потерять себя, другіе, наоборотъ, въ прошломъ ищутъ себя. Мережковскій относится къ послѣднимъ. «Наше время такъ жалко, что я съ наслажденіемъ погружаюсь въ древность, — писалъ авторъ «Саламбо». — Это смываетъ съ меня грязь настоящаго. *Cela me decrassé des temps modernes*». Наоборотъ Мережковскій уходитъ въ прошлое со взоромъ прикованнымъ къ современности, не къ грязи ея, а къ ея высшимъ проблемамъ. Поэтому не безъ основанія можно иногда сдѣлать ему упрекъ въ духовныхъ анахронизмахъ. Прошлое даетъ ему арену и одѣяніе для его современныхъ сомнѣній и идей, и онъ склоненъ вкладывать эти идеи въ уста своихъ героевъ. Такъ съ не вполне правдоподобной законченностью и отточенностью говорятъ декабристы о неоправданности политическаго убійства, о геррорѣ, о самодержавіи или о соединеніи религіи и революціи. Особенно Голицынъ кажется порой только выразителемъ взглядовъ автора. И развѣ не послѣ Шевьева написаны слова «дневника» Сергѣя Муравьева: «пусть другіе расскажутъ какъ шесть лучшихъ ротъ моего батальона, *краса и гордость* полка, превратились въ разбойничью шайку, въ пугачевскую пьяную сволочь».

IV.

Въ «14 Декабря» собственно нѣтъ ни одного центрального

лица и вполне оправдано его названіе по дню, по событію. Это трагедія почти осуществляющая единство мѣста и времени, трагедія одного туманнаго утромъ, а потомъ холоднаго и вѣтренаго петербургскаго дня. Нѣсколько лихорадочныхъ, растерянныхъ дней подготовки, а затѣмъ развязка — тюрьма, допросы, казнь. Въ эту трагедію вплетены эпизоды очаровательной идилліи любви князя Голицына къ дѣвушкѣ, немного похожей на Пушкинскую Капитанскую Дочку.

Первое и самое сильно впечатлѣніе отъ событий этого дня — *растерянность* обѣихъ сторонъ, и Николая и заговорщиковъ. Они были, какъ говорили о себѣ самый дѣйственный изъ декабристовъ, Рылѣевъ, «умозрителями свободы, а не дѣлателями, были только «планщиками». Междуарестомъ и неизбежность ареста подвинули ихъ на открытое выступленіе. Вождя-же ихъ, Пестеля, не вывелъ изъ состоянія пассивности даже и неминуемый арестъ. Начали они возстаніе безъ вѣры въ него. «Лучше быть взятыми на площади, чѣмъ въ постели», «Самая гибель наша пробудитъ чувства уснувшихъ сыновъ отечества» — вотъ что двигало заговорщиками. «Диктаторъ» Трубецкой не явился на площадь и оставилъ движеніе безъ руководителя. Необыкновенно тонкими и убѣдительными штрихами, не углубляя, не останавливаясь долго на этомъ эпизодѣ рисуетъ Мережковскій стран-

ную измѣну благороднаго и храбраго Трубецкаго. Но «храбрость солдата не то-же, что храбрость заговорщика». «Нерѣшителенъ и вѣжливъ, вѣжливъ до сумасшествія»; и къ тому-же «слишкомъ благополученъ: молодъ, богатъ, знатенъ, женатъ на прелестной женщинѣ». И тутъ-же Мережковскій даетъ очаровательный абрисъ княгини Трубецкой, не героини, какъ у Некрасова, а милой «Катанши», «маленькой, кругленькой, крѣпенькой, съ быстрыми движеніями, катающейся, какъ точеный изъ слоновой кости шарикъ». Трубецкой, какъ «евангельскій юноша, который отошелъ съ печалью отъ Господа потому что у него было большое имѣніе».

Но не отсутствіе «диктатора» сыграло главную роль въ неудачѣ возстанія. Въ «пасмурное утро, туманное, тихое», когда «Адмиралтейская игла воткнулась въ небо, какъ въ бѣлую вату», и «Мѣдный всадникъ скакалъ въ бѣлую тьму кромѣшную» Голицынъ услышалъ издали, какъ на Сенатскую площадь съ «барабанною дробью и глухимъ гуломъ голо-совъ, подобнымъ гулу бури налетающей», съ развѣвающимися знаменами пробѣжалъ батальонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Москвиты да двѣ съ половиною роты Флотскаго Экипажа, всего около трехъ тысячъ солдатъ, построились въ каре впереди памятника Петра и простояли такъ до вечера. «Стоячая революція» — находитъ

Мережковскій формулу для этого дня. Съ горестнымъ недоумѣніемъ констатируетъ онъ роковыя ошибки декабристовъ:

«Когда Флотскій Экипажъ выступилъ, онъ могъ взять съ собой артиллерію: пушки противъ пушекъ рѣшили-бы участь возстанія; могъ взять, и не взять».

«Лейбъ-гренадеры могли занять крѣпость, которая господствовала надъ дворцомъ и надъ городомъ; могли захватить дворецъ, гдѣ находились тогда Сенатъ, Совѣтъ, обѣ императрицы съ наследникомъ — могли это сдѣлать — и не сдѣлали».

По мнѣнію Мережковскаго, и «послѣ всѣхъ этихъ промаховъ силы мятежниковъ были огромныя: три тысячи войскъ и вдвое больше народа, готовыхъ на все по мановенію начальника».

Намъ кажется это неправильнымъ. Дѣло было не въ отсутствіи начальника и не въ случайностяхъ. Случайности были скорѣе за декабристовъ. То что, благодаря попустительству Александра I, легкомыслію Милорадовича, опибѣтъ Николая, они не были арестованы раньше — величайшая случайность. Случайностью было и недѣльное междоцарствіе, «игра въ воланъ» тронномъ, растерянность власти. Растерянность-же и роковыя ошибки заговорщиковъ случайностью не были.

— Въ поддавки играть умѣете? — спросилъ Каховскаго Голицынъ.

— Какіе поддавки, — удивился тотъ.

— А такая игра въ шашки: кто больше поддастъ, тотъ и выигралъ.

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что въ поддавки играемъ. Поддаемъ другъ другу, мы имъ, а они намъ. Глупимъ взапуски, кто кого переглупитъ.

— Нѣтъ, тутъ не глупость.

— А что-же?

— Не знаю. Можетъ быть мы не только съ ними боремся; можетъ быть и въ насъ самихъ...

Мережковскій думаетъ, что «нѣчто» бывшее *въ самихъ* заговорщикахъ и мѣшавшее имъ это «христіанская добродѣтель, филантропія, боязнь крови». «Рѣшимость дѣйствовать была у народа, у войска, у младшихъ членовъ общества, но не у старшихъ: у нихъ было одно желаніе — страдать, умереть, но не дѣйствовать». Только-ли филантропія и только-ли у вождей? Нѣтъ! И народъ и войско и вождей парализовало другое: цѣлостная, еще неизжитая, ледяная, гранитная сила самодержавія. Солдаты-бунтовщики шли за *самодержца* Константина. Но и въ душахъ многихъ членовъ общества подсознательно еще жила эта такъ недавно, хотя и страстно, но очень книжно, абстрактно отрицаемая идеологія самодержавія. Вѣрибе не идеологія, а сила вѣковыхъ навыковъ, чувствъ и традицій. Это она парализовала волю заговорщиковъ, мѣшала

имъ дѣйствовать, морозила ихъ изнутри не меньше поднявшагося къ вечеру того дня сырою, ледяного вѣтра. Мережковский можетъ быть для цѣлей своей композиціи, для того, чтобы продлить картину колебаній и сомнѣній Николая, ослабляетъ въ своей передачѣ сцену встрѣчи царя съ первыми вѣрными войсками, съ первымъ батальономъ Преображенскаго полка, этимъ, какъ писалъ впоследствии самъ Николай, «поистинѣ первымъ батальономъ въ мірѣ». Николай почувствовалъ его гранитную твердость, какъ утопающій подъ ногами твердую почву. Онъ пересталъ играть въ поддавки и быстро выигралъ партію. «Вѣчный полюсъ» самодержавія дышалъ еще въ дунахъ людей и оказался сильнѣе абстрактнаго пламени свободы. Онъ былъ растопленъ только черезъ столѣтіе.

Эта внутренняя сила самодержавія можетъ объяснить многое и въ поведеніи декабристовъ на слѣдствіи. Едва-ли не самая сильная сцена въ романѣ это допросы декабристовъ Николаемъ. Бунтъ кончился, мятежники арестованы, началась крестная мука слѣдствія и суда. Допросы эти явили въ юномъ царѣ талантливаго слѣдователя и тюремщика, а героев и идеалистовъ, первоучениковъ русской свободы, показали въ тягостномъ ликѣ слабодушныхъ предателей, оговаривающихъ и себя и другъ друга. Можно найти много обстоятельствъ, объясняющихъ откоро-

венность декабристовъ. Мережковский описываетъ тяжелыя условія ихъ заключенія, инквизиторскіе допросы, сѣтъ лжи, опутывавшую узниковъ. Описываетъ моральныя пытки и даже даетъ намеки на пытки физическія. Для послѣдняго предположенія нѣтъ основаній, и мы думаемъ, что пытокъ не было. Вообще на фонѣ современности обращеніе съ декабристами царя можетъ показаться пожалуй гуманнѣмъ. Мережковский совершенно не считается съ возможностью искреннихъ сомнѣній декабристовъ въ своей правотѣ и ихъ раскаяніи. О раскаяніи говорить многое въ ихъ показаніяхъ, которыя, разумѣется, можно отнести, какъ вынужденныя и неискреннія. Но вспомнимъ, что декабристы первые подняли возстаніе противъ многовѣкового и еще могучаго института, и что можетъ быть Николай былъ для декабристовъ не только тюремникомъ, но несмотря на «умыселъ на истребленіе царской фамиліи», о которомъ говорила слѣдственная комиссія, — все еще помазаникомъ Божиимъ, законнымъ царемъ и самодержцемъ.

Не удалось возстаніе на сѣверѣ въ Петербургѣ. Быстро было оно ликвидировано и на югѣ. Для описанія возстанія Черниговскаго полка Мережковский прибѣгаетъ къ введенному имъ въ историческій романъ особому приему — формѣ дневника. Эта трудная форма придастъ разсказу особенно ин-

тимную прелесть. Дневникъ Сергѣя Муравьева, какъ и дневникъ Большаго въ «Леонардо да Винчи», Елизаветы Алексѣевны или Голицына въ «Александрѣ I», принадлежать къ лучшимъ страницамъ Мережковскаго.

V.

Люди всегда особенно внимательны къ истокамъ, къ началу. «Какъ первую любовь», не забудетъ сердце Россіи и первую открытую борьбу за свободу. Но декабристовъ въ Россіи больше чтити, чѣмъ знали. Изъ художниковъ, кромѣ Некрасова, подошелъ было къ этой темѣ Левъ Толстой, но разочаровался въ декабристахъ, почувствовавъ въ нихъ наносныя по его мнѣнію и несимпатичныя ему вліянія.

При чтеніи «Александра I» казалось, что и Мережковскій безъ симпатіи относится къ декабристамъ. А не онъ-ли самъ говорилъ, что безъ любви, безъ симпатіи не можетъ быть и знанія о людяхъ. Разумѣется негодование многихъ читателей и крики о клеветѣ вызывались главнымъ образомъ невѣжествомъ. Всякая правда, непохожая на условныя лики интеллигентскихъ святцевъ, воспринималась какъ клевета. Но все-же несомнѣнно что отношеніе Мережковскаго къ декабристамъ иное въ новомъ романѣ. Чѣмъ объяснить это? Не тѣмъ-ли, что въ «Александрѣ I» вся почти симпатія автора поглощена этимъ таинственнымъ человѣкомъ,

такъ что по законамъ художественнаго равновѣсія, равномернаго распредѣленія свѣта и тѣни, декабристы оставались въ планѣ, въ которомъ возможны были для художника сравнительное равнодушіе и нерасположеніе. И въ то время какъ сама таинственность, сложность и художественность натуры Александра не могла не привлечь симпатіи художника вопреки внѣшней видимости историческихъ фактовъ и утвержденіямъ новѣйшихъ историковъ, — отъ декабристовъ, по крайней мѣрѣ отъ многихъ изъ нихъ, отталкивали, можетъ быть, Мережковскаго ихъ рационализмъ, атеизмъ, нѣкоторая абстрактность и сухость ихъ мысли и натуры. Къ тому же въ александровскую эпоху они еще не были мучениками. Напротивъ они были полны надеждъ и плановъ и вели захватывающую духу работу заговорщиковъ.

Въ «14 Декабря» иное: декабристы освѣщены сіяніемъ мученичества и всей полнотой авгурской симпатіи, а черная тѣнь ироніи и негодования падаетъ на Николая I. Отношеніе Мережковскаго къ Николаю не совсѣмъ справедливо, но нарисованъ онъ мастерски. Взять онъ не такимъ чеканнымъ, бронзовымъ, какимъ сталъ впоследствии и остался въ людской памяти. Онъ у Мережковскаго еще неоперившійся, неопредѣлившійся, и тѣмъ труднѣе дать его портретъ. Переданъ въ немъ моментъ динамическій, моментъ

перелома послѣ подавленія мятежа: молодой пѣтушокъ сталъ кричать увѣренный, пересталъ срываться съ голоса. Передана какая-то атмосфера прозаической скуки и бездарности, присутствующая ему. Наоборотъ, даже тѣ изъ декабристовъ, которые знакомы намъ по «Александрѣ I», теперь кажутся иными, лучшими. Мережковскій рисуетъ своихъ героев импрессионистически, быстрыми бликами, иногда повтореніемъ одной черты, давая какъ-бы лейт-мотивъ человѣка. Въ «Александрѣ I» такой «лейт-мотивъ» для Рылѣва это его непокорный хохолокъ на затылкѣ. Рылѣвъ задорный шалунишка, для котораго заговоръ — веселая и опасная игра. Въ «14 Декабря» только на одно мгновеніе появляется, и то почти незамѣтно, этотъ хохолокъ. Лейт-мотивомъ Рылѣва становится какая-то огненность: онъ весь «летающій, стремительный, подобно развѣваемому вѣтромъ пламени». Иногда благодаря еле замѣт-

нымъ измѣненіямъ достигается измѣненіе всего впечатлѣнія. Почти исчезло въ рѣчахъ декабристовъ «невольное актерство, въ которое они впадали, какъ-бы ни были искренни». И смѣявшійся въ «Александрѣ I» надъ риторикой Бестужева и Якубовича Одоевскій — говорить въ «14 Декабря»: «Бестужевъ молодецъ, полкъ взбунтовалъ. А что поактерствовать любить, такъ и мы не безъ этого, а вотъ всѣ молодцы! Отошли на второй планъ эти менѣ симпатичные изъ декабристовъ. — На авансценѣ очаровательные Оболенскій, Муравьевъ. Въ Трубецкомъ подчеркивается его мягкость и благородство. Каховскій съ жалобными глазами, какъ у ребенка или собаки, потерявшей хозяйина», начинаетъ назваться менѣ озлобленнымъ... Какъ на фотографической пластинкѣ подъ дѣйствіемъ проявителя, поблѣднѣли въ декабристахъ однѣ стороны и выступили другія. Проявитель этотъ — страданіе.

Млк. Цетлинъ.

БЕССАРАБІЯ И РОССІЯ.

(Письмо изъ Бессарабіи).

Вопросъ о возсозданіи Россіи въ тѣхъ территоріальныхъ границахъ, которыя соотвѣтствовали-бы ея нормальному экономическому развитію и нормальному-же международному положенію, больше, можетъ

быть, чѣмъ любой вопросъ нашего будущаго, находится въ зависимости отъ фактора, обычно мало учитываемаго въ разсужденіяхъ объ освобожденной отъ большевизма Россіи.

Факторъ этотъ — *время*. Спо-